

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ МИГ БАЛЕТА

Я взялся за непривычное для себя дело — пишу эти заметки о фильмах-балетах, хотя никак не могу считать себя ни знатоком балета, ни критиком. Но я и не пытаюсь что-либо анализировать глазом профессионала, хочу просто поделиться своими зрительскими впечатлениями — впечатлениями кинематографиста, любящего балет. Хочется также лишний раз обратить внимание на важность той работы, которую делает наше телевидение, сохраняя для истории, для других поколений зрителей искусство Майи Плисецкой, Наталии Бессмертновой, Екатерины Максимовой, Владимира Васильева, Мариса Липе и еще многих, многих других наших прекрасных мастеров. Если бы наше поколение имело подобную возможность — воочию видеть, например, искусство Анны Павловой, которое восхищало весь мир!

У нас немало талантливых режиссеров, умеющих ярко, впечатляюще снимать балет, — Юрий Альдохин, Вадим Дербенев. К числу таких мастеров принадлежит и Владимир Граве, режиссер творческого объединения «Экран» Гостелерадио СССР.

О его работах я сейчас не говорю подробно, а поговорить есть о чем, потому что нельзя одинаково снять тонкую и очаровательно наивную романтическую «Жизель» и остроэкспрессивные «Озорные чашушки», передать чувственную динамику «Весны священной», лиризм «Эсмеральды», веселое детское озорство «Доктора Айболита» и остросовременное адажио

Адама и Евы из фильма «Хореографические новеллы».

Не говорю умышленно, потому что гораздо лучше меня здесь могли бы сказать свое слово специалисты-критики, разбирающиеся в тонкостях балетного жанра. Я же, повторяю, говорю об этом как зритель, которому эти фильмы доставили истинное наслаждение и потому послужили поводом для этих заметок.

Особенность Граве как режиссера в том, что, кроме балета, он не снимает ничего. А мог бы снимать! Я уверен, что у него бы мог получиться и игровой фильм, и документальный, но он человек одной любви. Он отдал себя балету.

Нередко случается так, что режиссер, снимающий балет, хочет поразить нас своим кинематографическим мастерством, эффектными проездками камеры, игрой света, изысками монтажа. И все это, конечно, замечательно. Плохо только (а такое случается), когда за показным блеском киноформы пропадает сам балет. Когда он становится только поводом для фильма, а не его душой.

Лично мне дорого то свойство фильмов-балетов Граве, что в них на первом месте балет, а уже на втором — фильм. Если из двух дублей один окажется удачнее по световому эффекту, а другой — по красоте танца, Граве выбирает тот, где лучше передан сам балет.

Но при всем том фильмы-балеты Граве продолжают оставаться фильмами. Средств кино в них — не безучастная оболочка. Они помогают увидеть балет так, как мы не сумели бы его увидеть из

зрительного зала. Подсмотреть то прекрасное движение танцора, которое могло ускользнуть от нашего внимания. Подчеркнуть крупными планами те нюансы пластики, которые могли бы и не прочтаться на огромном пространстве балетной сцены. Но, повторяю, главным всегда остается балет, его таинство, а не игра теней или трюки кинооптики.

Когда я смотрел на телеэкране «Жизель», то не мог не признать себе, что не сумел бы так увидеть этот же балет из зрительного зала. Прекрасное мастерство Бессмертновой заиграло какими-то совершенно новыми, нежными и свежими оттенками.

Увы, все мы смертны. Умиряют люди. Дряхлеют и оканчивают жизнь спектакли. От лучших из них остается в человеческой памяти прекрасная, живущая века легенда. И вечно преследует людей это невозможное желание — схватить, запечатлеть навек ускользающую красоту свершившегося мига балета. «Чего ж тут невозможного? — может возникнуть вопрос. — При современной-то технике. Бери и снимай. Чего проще?»

Но ведь порой мы видим снятые на пленку старые спектакли, которые не волнуют, игру прославленных актеров, которая не производит никакого впечатления. Иногда даже заставляет усомниться в заслуженности их славы: «Полно, те ли это великие мастера, о которых сказано столько восторженных слов? Может быть, это и не они? Может, тут какая-то ошибка?».

Видимо, есть какой-то врожденный дефект у бесстрастного глаза камеры, не позволя-

ющий ему видеть то, что способен увидеть человек. Этим глазом должен руководить художник, способный вдохнуть в равнодушную картинку свою любовь и взволнованность, свою душу.

Таким человеком представляется мне Владимир Граве. Он вообще тонко чувствует искусство, сам прекрасно рисует, но балет для него все. Он умирает в каждом своем фильме, чтобы сделать неумирающей красоту балета. Он не старается показать себя, щегольнуть всем, что умеет. Я убежден, что только таким и может быть художник. Он отдается своему делу, отдается ему целиком, не ожидая наград и почестей.

Может быть, именно поэтому его работы и отмечены одним из самых почетных призов Парижской академии танца за 1976 год.

У режиссеров, снимающих балет, не бывает громкой известности. Их имена остаются в тени, заслоненные прославленными (заслуженно прославленными) звездами балета, мастерами-хореографами, поставившими эти балеты. Поэтому мне и захотелось сказать все эти слова, воздать хоть малую часть той благодарности, которую заслужил этот преданный своей любви человек.

Благодаря таким художникам миллионы живущих людей и тех, кто придет после нас, смогут насладиться запечатленными на экране мгновениями нашего прекрасного Большого балета.

В. ЕЖОВ,
кинодраматург, лауреат
Ленинской премии.

«Сов. культура», 1976, 27 июля, № 30